

В моей семье я – последнее поколение провинциалов.

Где бы я ни жила, а считаю себя жителем маленького города. Главная улица Ленина, парк культуры и отдыха имени Горького, центральный универмаг, колхозный рынок, кинотеатр имени... Десять лет ходишь по улице Ленина в школу и обратно, знаешь в лицо всех проходящих...

О чем мы сегодня? Ах, да, о пальто мадам Гройсман. Вот она, Мара Израйлевна, спешит на работу в своем в черном пальто с блестящими пуговицами и в каракулевом берете «Фантази». Из-под вытачек пальто выпущен черный блестящий шелк, таким же шелком оторочен воротник и манжеты. О-очень стильное пальто!

Пальто мадам Гройсман шил лучший мастер Дома Быта Ленинского района Михаил Борисович Кашка. За пальто Кашка запросил с мадам Гройсман сто пятьдесят рублей. Без оформления, конечно.

– Почему сто пятьдесят?! – возмущалась мадам Гройсман. – С

Самариной вы взяли сто, с Мисюрис сто и с Гершензон сто!

– Ну, а как же, мадам Гройсман?! – удивился мастер, – Вы же, женщина, не в обиду сказать, крупная, удовольствие смотреть. Но шить на Вас, простите, двойная работа!

Муж мадам Гройсман заведовал продуктовым магазином.

Наслушавшись жалоб жены, он стал брать с Кашки двойную цену за дефицитные продукты. Кашка обиделся, и все ему высказал:

– Ну да, если у кого жена, что пока вокруг обойдешь, от сигареты один бычок останется, то, конечно, ему нужны большие деньги, чтобы ее прокормить!

– И одеть! – в тон ему добавил Гройсман. – А то многие пользуются женской слабостью. Тебе по квитанции полагается взять пятьдесят шесть рублей – бери. А что сверху дали – скажи спасибо. Будешь цену назначать – без клиентов останешься!

Гройсман велел жене пошить летнее платье в том же ателье у закройщицы Гарамовой. Закройщицей Гарамова была неплохой, но не умела ни фасон выбрать, ни фантазию проявить. А в пошивочном деле без фантазии не пробиться. Так вот работала она на вторых ролях уже десять лет, оставаясь для всех закройщиков Маруськой.

Кто пошьет на незнакомую клиентку?

– Маруська!

Кто возьмется шить плотный шелк, который тупые бытовские иголки не протыкают?

– А Маруське дайте!

Михал Борисович и внимания-то на нее не обращал, так, пройдет мимо – чуть кивнет, и только. На прошлое Первое мая сотрудники ателье собрались посидеть вскладчину. Сидели у Кашки. И живет близко, считай, во дворе, и квартира просторная. Там на гулянке Марусю и осенило. Один в трех комнатах, да первый закройщик, да бездетный вдовец! Марусе, даром что уже тридцать шесть стукнуло, а еще мечталось о семье. Детей, наверное, уже не будет, но муж-то в любом возрасте может пригодиться. А тут квартира окнами на улицу Ле-ни-на! Первомайскую демонстрацию можно из окна смотреть – это вам не баран чихал – трибуна обкомовская прямо напротив ванной!

Сам Михал Борисович был мужчиной невидным: волосы белесые, коротко стриженные, не поймешь – седые или от природы такие бесцветные, глаза маленькие, желтоватые. Нос, правда, сразу бросался в глаза – этаким большой, с запасом выкроенный, словно нос этот готовили для кого-то другого побольше размером. Но, не внешность же в конце концов главное!

Как-то Маруся шила на завкадрами Дома Быта. Была завкадрами бабищей в три обхвата, так что приходилось ей шить даже белье. Вот за примеркой лифчиков она и разговорилась завкадрами. И разузнала Марусю, что Михал Борисычу только-только сорок шесть лет. Молодой еще мужчина! И как же она восемь лет с Михал Борисычем бок о бок проработала, а счастья своего не распознала? Ну теперь-то она его не упустит!

Маруся Гарамова строила планы захвата, но все, конечно же, как всегда упиралось в финансовый кризис. В этом кризисе закройщица Гарамова

пребывала постоянно. Дело в том, что своего жилья Маруся не имела, и снимала комнату у старой мадам Гройсман, свекрови нынешней мадам, бабки скверной и прижимистой. Комната, правда, была очень хорошая: большая, солнечная, в два окна, да еще и со своим выходом во двор. Но, на оплату ее уходила большая половина Марусиной зарплаты. Остатки денег шли на еду и редкие поездки к родителям. От родителей корзинку яиц привезет, картошку, иногда курицу. А бабка Гройсман чуть не каждый день колбасу хорошую ест, и ведь никогда кусочком не угостит! Ей бы, Марусе так питаться – сразу бы в тело вошла, отбоя бы от мужиков не было. А на картошке-то какие телеса вырастишь? Вот и получается, что из метра ткани платью можно выгадать, еще и на рукава остается. Одежду Маруся шила, покупая в своем ателье остатки тканей за копейки, а вот обувь у нее была проблемой номер один. Ну, кто заинтересуется женщиной в войлочных сапожках? А никто!

Так вот целый год Маруся и промучилась, пытаюсь обратить на себя Кашкино внимание. И так и этак пыталась. На верхнюю полку стеллажа с тканями залезала в короткой юбке, – под юбку заглянул, но и только. На полу иголку искала, на коленях ползала, – хмыкнул, да и мимо прошел. Подкараулила как-то на лестнице и стала колготки поправлять, а он и говорит:

– У тебя, Маруся, на чулке стрелка – зацепи, а то дальше пойдет! Конечно, у него клиентки французскими духами пахнут, колготки у них по семи рублей пара – стрелок не пускают. Да и белье на них хорошее. А у Маруси комбинации с узеньким кружевом, которое после второй стирки расплывается на части, да «трико женское белое платированное», а после третьей стирки уже не белое а б/у. Маруся тоже купила себе духи – «Ландыш серебристый», запах за три шага слышно, а он только нос сморщил.

И вот тут подросла история с пальто.

Гройсман как-то заехал к матери с недельным запасом продуктов. Взгромоздив две неподъемные сумки на кухонный стол, он спросил у Маруси: – Ты хорошо шьешь?

– Хорошо шьет, плохо шьет, зачем тебе это знать? – тут же отозвалась вредная бабка Гройсман.

– Халат мамин ты шила? – спросил Гройсман.

– Ну, и что такого ты увидел в халате? – не унималась бабка. – Ты таки думаешь, что она сможет пошить на твою жену тот сиреневый шелк, что она брала на базе? Чехол на самолет ей надо взять и три дырки прорезать, а не сиреневый шелк!

Но Гройсман отмахнулся от бабки:

– Слушай сюда, Маруся, завтра придет в ателье моя жена и отдаст тебе шить платье. Сделаешь хорошо – утрешь нос Кашке, а я тебя отблагодарю!

Никогда и не мечтавшая о такой клиентке, Маруся Гарамова, как сама потом призналась подругам, «Просто на говно извелась!», пытаясь угодить мадам. Платье получилось. Мадам Гройсман тотчас же заказала еще два, одарив Марусю сиреневой двадцатипятирублевкой за каждое платье. Обалдевшая Маруся, которой никто еще больше пятерки не давал, провожала клиентку до дверей и, задыхаясь от счастья, приговаривала:

– Мара Израйлина, если кто из знакомых, так пусть прямо ко мне, скажут от Мары Израйлины – я всегда!

Кашка, белый от злости, курил на лестнице. Мадам Гройсман протиснулась мимо и приветливо поздоровалась:

– Добрый день, Михал Борисович! Погода чудесная, хоть сегодня летнее платье надевай!

– Кур-ва! – прошипел ей в спину Кашка.

На следующей неделе две подружки мадам Гройсман заказали у Гарамовой. За лето приобрела Маруся не только хороших клиентов, но и авторитет. А что с фантазией плохо, так не пожалела она денег, и купила в гостинице “Интурист” журнал “Бурда”. Платья в этой “Бурде” – зашибись! Все клиентки были довольны. Маруся даже подумывала купить еще одну “Бурду”, вроде как, «у меня журналов навалом», но решила подождать зимнего номера.

Гройсман и Кашка, разобидевшись друг на друга, перестали встречаться за преферансом. Оба злились на весь мир почти месяц, но постепенно пришли к мысли, что, как выразился Кашка, «От баб одна морока!» И встречи за картами по пятницам снова стали регулярными. При этом каждый думал, что наказал другого. Гройсман потому, что теперь многие стали заказывать платья у Гарамовой. Кашка потому, что у него перестали заказывать платья, освободив его для более денежной работы – пальто и костюмов. Ну, кто же рискнет шить костюм у Марульки? Или, скажем, пальто... Шутите!

И не видели ни тот ни другой, что победителем-то вышла Маруся Гарамова.

Так вот, значит, в конце августа пришла Маруся на работу в новых чешских босоножках. И платье новое, первый раз надетое, фасон из той самой “Бурды”. Мастерицы хвалили, мол, хорошо получилось, идет тебе.

Под платьем тоже все было новое, но кроме Маруси об этом никто еще не знал. Во время перерыва она подстриглась в салоне на первом этаже и укладку сделала с бигуди и лаком. Поднимаясь в ателье, еще и губы нарисовала розовым перламутром. Открывая дверь пошивочного цеха, Маруся бросила взгляд в зеркало на стене. Смотрела на нее оттуда вполне симпатичная женщина, не первой, конечно, молодости, но и не старая еще. Волосы русые «налачены» до твердости, губы розовым перламутром блестят, ноги хоть и не первый класс, но из-под шелковой юбки «солнце-клевш» только новые босоножки и можно рассмотреть. Платье сиреневое, совсем такое как у мадам Гройсман, только шелк не с базы, а из магазина тканей на колхозном рынке. Грудь небольшая, но вполне бросается в глаза щедро присобранными мелкими рюшечками. Впервые за тридцать шесть лет показалась себе Маруся Гарамова женщиной чуть ли не «алегантной». Сумку поставила в шкаф, оттуда сверток подхватила с утра ожидавшийся, и к Кашке:

– Михал Борисыч, я к вам с просьбой, уж не откажите. Хочу костюм пошить, с жакетом модным. Вы своей клиентке шили – просто глаз не оторвать. Материала в обрез, мне самой не выкроить, а у вас получится. А я в долгу не останусь. Сделайте, Михал Борисыч, вы ж у нас самый лучший!

Пела Маруся так и умильно в глаза Кашке заглядывала. Пока обмерял ее – едва дышала, а как стал материал раскладывать да кроить – прямо всем телом на него поперла.

– Маруся, – мурлыкал удивленный Кашка, – я же работаю, смотри, не там разрежу!

– И то правда, – согласилась Маруся. – Не буду вам мешать, Михал Борисыч, после работы закончим!

С трех часов дня пошли примерки одна за другой, и Маруся поднялась в пошивочный цех только после пяти вечера. Закройщики уже разошлись, лишь одна из мастериц еще дострачивала подол свадебного наряда. К половине шестого ушла и она, пристроив платье на манекен и накрыв белой простыней. Наряд этот свадебный Маруся томным взглядом оглядела. Кашка послушно ждал, сидя за своим столом и сметывая на живую нитку для первой примерки ее костюм.

– Готово, Маруся! – наконец сказал он. – Можно примерить!

Маруся встала медленно и со значением. Подошла к столу и, так же медленно нагнувшись и, обдав Кашку запахом лака для волос, собрала руками подол платья и потянула вверх. Кашка только сейчас сообразил, что на Марусе-то платье, а не юбка с блузкой, как на клиентках. Обычно

дамы на примерку костюма приходили в юбках с блузками и жакет примеряли на блузку. Пока он это думал, Маруся уже успела утянуть платье далеко вверх и глазам изумленного Кашки предстала ярко голубая комбинация обшитая по подолу кружевами шириной в ладонь. Маруся явно разворачивала все стратегические резервы, так как далее, враз вспотевшему Михал Борисовичу, показалась грудь в светло-голубом лифчике, а затем из-под сиреневого шелка вынырнуло Маруськино лицо с пылающими щеками. Платье Маруся бросила на стол и, выдернув из рук обалдевшего закройщика юбку, вступила в нее обеими чешскими босоножками и потянула вверх, причем вслед за юбкой вверх пошла и голубая комбинация. Маруся, однако, комбинацию одернула, – не все сразу – и повернулась к зеркалу. Кашка дрожащими руками кое-как примерил юбку. Надевая на Марусю жакет, он очень старался отвести глаза от голубого лифчика, но глаза не слушались, будто прилипли к шелковым бретелькам. Он помог ей снять жакет. Потом вытаскивал булавки из юбки, а глаза все равно не могли оторваться от застежки, выделявшейся на ярко-шелковой Маруськиной спине.

– Пригласите меня к себе на чай, Михал Борисыч, – предложила Маруся, – или еще на что...

– Ко-конечно, – выдавил из себя Кашка, – пойдем ко мне, то есть пойдемте!

По лестнице они шли рядом, а на улице Маруся взяла его под руку, просунув свою ладонку лопаткой под Кашкин локоть и прокопав путь до самых ребер. Зашли в подъезд, поднялись на третий этаж. Кашка долго не мог в темноте попасть в замочную скважину. Наконец, ключ повернулся, и дверь, скрипнув, распахнулась, пропуская Марусю с Кашкой.

Свет они не включали. Маруся по-хозяйски закрыла дверь на замок, поставила сумку под вешалку и сняла одну об другую босоножки. Квартиру Маруся изучила еще в ту первомайскую гулянку, в спальню тогда же из любопытства заглядывала, поэтому куда идти знала. Ощупью прошла в конец коридора и стала расстилать постель. Разделась в ванной, поплескала водой на подмышки да внизу, полотенцем вытерлась. Отметила про себя, что полотенца застиранные, надо выварить с порошком. Снова вошла в голубую комбинацию и босиком прошлепала в спальню. В кровать улеглась, одеялом закрылась до подбородка и стала ждать. Михал Борисыч гремел чайником – воду, что ли, пил. Потом позвал из кухни:

– Маруся, может, винца выпьем?

Она не ответила и он, вздохнув, пошел в спальню. Уже вешая брюки на спинку стула, Кашка вдруг спросил:

– А у тебя давно кто был?

– Фу-у, спросил, наконец! – пронеслось в голове Маруси. – А никого у меня не было, Михал Борисыч, – ответила она из-под одеяла, – вы первый будете!

– Так ты что, замуж хочешь? – опешил Кашка.

– А чем вам плохо будет? – спросила Маруся. – Я вас на десять лет моложе, везде здоровая, варить люблю, приберусь тут у вас...

Она так боялась что Кашка сейчас откажется, что все ее планы полетят на помойку и что она вот прямо сейчас попрощается с мечтой о трехкомнатной квартире окнами на первомайскую демонстрацию...

– Я даже могу жареную утку в духовке делать. Гостей будем звать... – у Маруси от волнения голос сорвался.

Кашка еще постоял босиком у окна, почесал в затылке, да и полез в постель. Любовные ласки Маруся перенесла безропотно, даже не вскрикнула. Только было ей очень трудно дышать, потому что на нее еще никто так не наваливался. Но, все кончилось быстро. Михал Борисыч повернулся к стенке и засопел, а она еще немного поерзала, потом привалилась спиной к его спине, согрелась и тоже уснула. Во сне Маруся Гарамова улыбалась и снились ей гости в столовой за круглым столом с бархатной скатертью.

Назавтра еще до открытия магазина Кашка зашел в кабинет Гройсмана.

– Мне, Леонид Самойлович, для семейного торжества, уж Вы не откажите! – улыбаясь попросил он, передавая список продуктов. – Женюсь я, устал один жить. И клиентов у меня меньше чем раньше. Так что, материально легче будет, жена хорошо зарабатывает! – усмехаясь рассказывал он.

– Кто ж невеста? – рассеяно спросил Гройсман.

– А закройщица наша, Мария Федоровна. На десять лет меня моложе, фигурка стройная, молодая еще женщина! – Кашка улыбался все шире.

– Маруся Гарамова?! – ахнул Гройсман.

– Гарамова, Мария Федоровна, – подтвердил жених, улыбаясь, как будто получил наследство тети-миллионерши. – И просим вас с супругой к нам в субботу вечером, так сказать, отметить.

Никто в магазине не мог понять, почему Гройсман весь день шпынял продавщиц и разорался на грузчиков, распивавших в перерыве свою обычную поллитру.

Кашка за два дня сварганил для Маруси свадебное платье по французскому журналу. Но до субботы невеста так поправилась на дефицитных продуктах, что в платье влезла с трудом. Через положенное время отмечали рождение маленького Гриши, а еще через полтора года – Ани.

За пять лет семейной жизни Маруся раздобрела, стала размером чуть не с мадам Гройсман. А сама мадам Гройсман, в очередной раз заказывая у Маруси летние платья, пригласила ее к себе домой и подарила целый чемодан почти новых вещей, в которые сама уже не влезала. Так у Маруси Гарамовой и появилось очень стильное черное пальто “от мадам Гройсман”.

А Гройсман и Кашка теперь вместе ходят по пятницам в сауну и, выпив порядочно пива, за преферансом рассказывают смешные байки про своих жен, которые у них «женщины крупные, просто удовольствие смотреть!»